

Нити любви

Р О М А Н Ы
ТАТЬЯНЫ ТРОНИНОЙ

| М а т ь я н а
Т Р О Н И Н А

М АЙНАЯ ЖИЗНЬ
МОЕГО МУЖА

МОСКВА
2022

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т73

Редактор серии *А. Самофалова*
Художественное оформление серии *Е. Куликовой*

Тренина, Татьяна Михайловна.
Т73 Тайная жизнь моего мужа : роман / Татьяна Тренина. —
Москва : Эксмо, 2022. — 320 с.

ISBN 978-5-04-182598-0

На одной чаше весов – долгие годы безмятежного покоя, на другой – короткий день, полный сомнений и отчаяния.

Хотя все начиналось так хорошо – Мастер и его Маргарита... Вернее, прославленный писатель-эзотерик Роман Эрленд и его жена Алиса – давно счастливы в браке, несмотря на большую разницу в возрасте. Точно в сказке, они живут в готическом «замке», построенном на гонорары писателя. Романа все обожают: и читатели, и соседи, и даже его мачеха. Кроме Игната, сводного брата.

Однажды Алиса находит завещание мужа и понимает, что вся ее прежняя жизнь являлась ложью. Что скрывал Роман долгие годы, какие семейные тайны прятал от молодой жены? Быть может, он просто берег свою прекрасную супругу от суровой, неприглядной действительности? И Алиса должна быть благодарна супругу за то, что тот превратил ее брак – в золотой сон?

Или надо довериться давнему недругу семьи и поверить безжалостному грубияну Игнату? И как понять свое сердце, кому оно на самом деле отдано.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-182598-0

© Тренина Т., 2022
© Оформление. 000 «Издательство «Эксмо», 2022

Алиса любила это время, когда поздний вечер переходил в глубокую ночь. Тогда в их маленьком городке под названием Костров устанавливалась окончательная и глубокая тишина, такая густая, темная и вязкая, что гасила последние, редкие всплески звуков — голоса запозднившихся прохожих, собачий лай, внезапные телефонные трели... Едва возникнув, эти обрывки шумов тут же исчезали, словно тонули в океане ночи.

В отдельно стоящей пристройке, где жила немолодая супружеская чета — садовник (он же охранник) Петрович с домработницей Ниной, — гас свет в окнах и замолкал, наконец, телевизор.

Огромный участок, на котором располагался дом Эрлендов вместе с садом, тоже погружался в сумрак, светильники здесь размещались только по периметру и на центральной площадке перед воротами.

И в самом доме наступала тишина, поскольку муж, Роман, ложился спать строго по расписанию. Выключал любимую музыку, ставил на беззвучный режим телефон.

Наступало время Алисы. Когда ей казалось, что она одна на целом свете и потому вольна делать что угодно. Время полной, абсолютной свободы! Время счастья.

Впрочем, Алиса и в другие часы чувствовала себя весьма неплохо... Жена известного, небедного, очень

умного человека; не утомленная работой и домашними хлопотами, здоровая, еще молодая и красивая... Да, Роман был старше ее на 21 год, Алисе сейчас — тридцать четыре, а мужу, соответственно, почти пятьдесят пять, без нескольких дней... Но Роман никогда не выглядел *старым* (да и кто в наше время осмелится назвать так пятидесятипятiletнего человека, которому даже еще до официальной пенсии далеко). Роману шел его возраст, и небольшая седина — тоже. Наверное, и в семьдесят, и в восемьдесят лет муж будет выглядеть столь же молодо-привлекательно. Таков типаж.

Правда, когда кто-то впервые, не видя еще Романа, вдруг узнавал, что муж на двадцать один год старше жены, то новый человек непременно удивлялся либо ужасался, иногда сдержанно, иногда явно, если не обладал хорошими манерами. И, либо взглядом, либо вслух, спрашивал: «Как? Неужели столь значительная разница в возрасте у супругов?» Но при личной встрече с Романом все подобные вопросы снимались сразу. Роман был очень... привлекателен, обаятелен. Красив «осенней» — благородной, сдержанной, мужской красотой, которой (редкий случай!) — годы только на пользу. Мужчин этого возраста с подобной внешностью, небрежной и уютной, что ли, часто снимают в рекламе, продвигающей дорогие яхты и дорогой парфюм.

Впрочем, седовласым плейбоем Романа тоже было трудно назвать, он не стремился поразить окружающих вальяжными манерами и надменными капризами. «Осенняя» красота Романа — интеллигентная, мягкая. Именно такими и представляют известных, уже пожив-

ших, получивших сполна славы, писателей — ироничными, вежливыми и привлекательными. Впрочем, Роман Эрленд — не совсем писатель. Он — мудрец, мистик, эзотерик, нашедший секрет человеческого счастья и спешащий поделиться им в своих книгах с людьми.

Все семнадцать лет своего брака Алиса ощущала спокойствие и умиротворение, находясь рядом с Романом. Да, случались какие-то мелкие шероховатости, странности в их отношениях... Но это такие мелочи, если подумать. Роман, например, был очень привередлив в еде, да и быт его угнетал порой. И спали они с Алисой в отдельных комнатах. Всегда.

Людям, привыкшим к одному матрасу, к одному одеялу на двоих, к постоянному созерцанию утренней помятости и вечерней усталости супруга это, конечно, казалось странным.

Зато проживание в разных комнатах способствовало личному комфорту супругов. Никакого застарелого раздражения друг другом!

Так вот. Алиса чувствовала себя вполне довольной жизнью женщиной, не связанной семейной деспотией.

А счастье этих свободных, «безмужних» вечеров заключалось для нее в ощущении уединенности. И в возможности творить что-то самой.

Алиса рисовала. Синей тушью на плотной бумаге... Рисовала девушку, которую она мысленно называла Эмилией.

Эмилия жила в странном мире, готическом, что ли. Когда окружающий пейзаж, интерьеры выглядят и страшно, и красиво. Старинный замок, устремленный

заостренными башнями ввысь, вокруг замка таинственный лес, и какие-то тени мелькают при лунном свете, слышатся чьи-то торопливые шаги, и кажется, что где-то рядом летают призраки.

Вообще, сколько она себя помнила, Алиса всегда что-то рисовала. В детском саду. В школе на уроках... На салфетках за обедом. Сидя где-то в очередях, в блокноте. Какие-то бесконечные комиксы...

Алиса словно сочиняла историю этой девушки, Эмили. Вот и сейчас Алиса, закусив от усердия нижнюю губу, принялась выводить синей тушью на бумаге силуэт своей героини. Длинное платье, тонкая талия, длинные локоны, огромные глаза...

— Алиса, я стучал, ты не слышала?

— А?! — спохватилась она, отложила в сторону специальную кисточку.

На пороге стоял Роман. Оказывается, она пропустила тот момент, когда он постучал в ее комнату, так увлеклась.

— Детка, мне надо с тобой серьезно поговорить, — сказал муж.

— Конечно, конечно! — воскликнула Алиса. Придвинула ему кресло. — Давай поговорим.

Они сели в кресла друг напротив друга.

— Я давно собирался это сделать... раскрыть тебе душу. Но как-то все смелости не хватало. Только дальше тянуть уже нельзя. Короче, детка. Я умираю.

В первый момент Алисе показалось, что она ослышалась. Роман не произносил этих слов! Хотя... да, он все-таки произнес их, не померещилось. Впрочем, в следу-

ющий момент она подумала, что, наверное, муж шутит? И тут же опять осадила себя — кто ж такими вещами шутит? Да и не был никогда Роман шутником, поклонником черного юмора.

— Почему ты молчишь, детка? — с усталой лаской спросил он.

Алиса всплеснула руками, прижала ладони к вискам. Затем затрясла головой — нет, нет, не может быть.

— Похоже, со мной то же самое, что было у моей матери, и у деда... — Он не произнес названия болезни, да и незачем это было, Алиса и так все поняла. — Пришло ко мне слишком рано, но что ж теперь.

— Дорогой, ты... уверен? Ты... ты консультировался с доктором? — наконец, дрогнувшим голосом спросила Алиса.

— Нет. Зачем. Я знаю эти симптомы наизусть, их ни с чем не перепутаешь, — со спокойной печалью произнес Роман. — Я все это очень хорошо представляю, с чего начинается, как продолжается и чем кончается.

— Сейчас медицина на другом уровне, сейчас новые лекарства! Тебя спасут!

— Алиса. Нет. Мои симптомы говорят о том, что я опоздал со всеми этими обследованиями и докторами. На несколько лет. А я не торопился, потому что был уверен, что у меня в запасе еще лет двадцать... Теперь уже нет смысла дергаться. Да, сейчас все на более высоком уровне, но толку-то. Последняя стадия есть последняя стадия.

— Дорогой... — умоляюще воскликнула Алиса. — Но почему ты думаешь, что у тебя тот же самый диаг-

ноз, что и у твоих родных? Вдруг это что-то другое... Не такое страшное. И, даже если это и оно... может, это еще не последняя стадия!

— Алиса, увы. Ты же в курсе, у меня всегда были проблемы с пищеварением. Еда с усилиями входит в меня и с усилиями же покидает мой организм. Сейчас я наблюдаю у себя все то же, что наблюдал у матери и деда. А эта гадость лечится точно так же, как и раньше, просто комфорту добавилось больным. Но это, по мне, не жизнь, а существование. Я уже много лет назад решил, что не стану бороться с этой противной напастью. Так легче, быстрее. И безболезненней, как ни странно. Мне не придется приходить в себя после всех этих мучительных и, по сути, бесполезных операций.

— Ромочка!

— Веди себя достойно, детка. Я же держусь, как ты видишь. Короче, прими это как данность — скоро я умру.

— Нет...

— Да, — спокойно произнес он. — Но это только вступительная часть... Дальше вот что. Слушай. В выходные мой день рождения, юбилей опять же. Я никогда не являлся любителем застолий, всегда старался избегать их. Но я хочу попрощаться со всеми. С миром я хочу проститься, в широком смысле. Приглашу самый близкий круг, тех, кто всегда находился рядом. Друзей. Соседей. Просто старых знакомых. В очень небольшом количестве. В общем, минимум приглашенных, из тех, с кем я спокойно общаюсь лично.

— Ты расскажешь им? О том, что с тобой происходит...